

•thebigbook•

Книги Питера Мейла

Год в Провансе

•

Прованс навсегда

•

Отель «Пастис»

•

Собачья жизнь

•

Приключение на миллион

•

По следу Сезанна

•

Еще один год в Провансе

•

Франция:

путешествие с вилкой и штопором

•

Хороший год

•

Прованс от А до Z

•

Франция:

приключения старого вина

•

Исповедь булочника.

Путешествие с вилкой и штопором

•

Франция:

сладкая жизнь

•

Марсельская авантюра

ПИТЕР МЕЙЛ

Хороший год

Роман

Санкт-Петербург

*Посвящается Дженни и всем тем, кто не
покладая рук трудится на виноградниках
Франции, чтобы превратить сочные грозди
в божественный нектар*

От автора

Перед вами плод писательского воображения; все герои книги придуманы автором и не имеют отношения к реальной жизни. Впрочем, у некоторых из них были прототипы из плоти и крови.

Хочу выразить признательность Ридли Скотту, поскольку эта книга во многом обязана ему своим появлением: именно он заметил подходящий сюжет для романа, побудив меня взяться за перо. Еще мне очень повезло с советчиками относительно спиртных напитков. Просвещали меня знатоки своего дела: Алан Шевалье из Люберона и Энтони Бартон из Медока. А работать вместе с Эйли Коллинз было, как всегда, огромным удовольствием.

Mille mercis à tous¹.

¹ Бесконечно благодарен всем (фр.).

Глава 1

Макс Скиннер взбежал по Ратленд-Гейт к Гайд-парку. Лето в Лондоне выдалось жаркое, и падавшие на лицо дождевые капли казались нагретыми. Макс трусил по причудливо извивающемуся берегу Серпантина. Из предрассветной мглы выплывали и тотчас исчезали фигуры других любителей помучиться перед завтраком; лица у них блестели от дождя и пота, ноги звучно шлепали по мокрой дорожке.

Погода распугала всех поклонников трусцы, кроме самых упорных. В эту мокроту разом пропали резвые румяные девушки, на которых Макс охотно заглядывался во время пробежки. Не видно было и местного эксгибициониста; обычно он уже стоит на изготовку за кустом: на роже похотливая ухмылка, плащ нараспашку. Даже парочка завсегдаетерьеров и та не появилась, хотя для них нет большей радости, чем хватать бегунов за щиколотки, пока их смущенный хозяин, едва поспевая за своими любимцами, бормочет бесконечные извинения.

Да, чересчур мокро и, пожалуй, чересчур рано для остальных. В последнее время Макс является в контору поздно, иной раз даже в половине восьмого, чем вызывает большое недовольство Эймиса, своего скорого на расправу босса. Макс дал себе слово, что сегодня все будет иначе. Он придет пер-

вым и постарается сделать так, чтобы паршивый ублюдок это заметил. Вся закавыка в том, что сама работа Максу нравится, а вот сотрудников, особенно Эймиса, он терпеть не может.

Обогнув Серпантин, Макс двинулся назад, к памятнику принцу Альберту, размышляя о предстоящем дне. Во-первых, он уже который месяц кропотливо готовил одну сделку, весьма перспективную: она сулила премию, которой хватило бы и оплатить долг терпеливцу-портному, и, что куда важнее, расквитаться наконец с банком. Вместо сдержанных укоров в превышении кредита Максу стали приходиться все более грозные послания. Непреложные свидетельства того, что год действительно выдался скудный. Но Макса не оставляла уверенность, что перемены не за горами. Воспрянув духом, он ринулся вниз по Ратленд-Гейт, по-собачьи отряхнулся на пороге и вошел в особняк Георгианской эпохи. Предприимчивая строительная компания в свое время оставила лишь лепной фасад, а нутро полностью выпотрошила; в результате, по словам подрядчика, получилось чрезвычайно привлекательное *ried-à-terre*¹ для чиновников разного ранга.

Уборщик, карлик с иссохшим, бледным, словно у жителя подземелья, лицом, поднял голову от пылесоса и укоризненно зацокал языком, глядя на тянущуюся за Максом цепочку мокрых отпечатков.

— Уморите вы меня, ей-богу. Гляньте, какую грязюку развели, весь ковер, к чертям, заляпали, а это ж как-никак аксминстер².

— Извини, Берт. Всякий раз забываю снять у входа обувь.

¹ Пристанище (*фр.*).

² *Аксминстер* (по названию английского города, где производятся знаменитые на весь мир ковры) — способ изготовления ковра, копирующий ручную технологию. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

Берт фыркнул. Этот диалог повторялся каждое дождливое утро и завершался одним и тем же вопросом. Берт с азартом следил за биржевыми котировками и норовил выудить информацию, недоступную для непосвященных.

— Что хорошего посоветуете на сегодня?

Остановившись перед дверью лифта, Макс приложил палец к губам и, помолчав, изрек:

— Покупай по низкой ставке. Продавай по высокой. Только никому об этом ни звука.

Берт покачал головой. Вот наглец, из молодых, да ранний. Но, правду сказать, он один во всем доме помнит, когда у Берта день рождения, и всякий раз притаскивает бутылку шотландского виски, а на Рождество непременно сует пухленький конверт с купюрами. В общем-то, малый он неплохой, думал Берт, елозя щеткой пылесоса по грязным следам на ковре.

Квартира Макса располагалась на третьем этаже и представляла собой незавершенное (пока) произведение дизайнерского искусства; один знакомый Макса, художник по интерьеру, в надежде получить выгодный заказ, назвал ее неоконченной симфонией. Пока что она годилась только для ночевки. Обстановка была скудная, вся в колючих острых углах — нынешний авангардистский стиль; у стены стояли две неплохие современные картины; в углу пылился унылый фикус и стойка с аудио- и видеоаппаратурой. Макс прожил в квартире уже больше двух лет, но ухитрился ничем не обозначить своего там присутствия; разве что скромная кучка кроссовок в углу свидетельствовала о его личных пристрастиях. Зайдя в крохотную, девственно нетронутую кухоньку, Макс открыл холодильник, в котором сиротливо мерзли бутылка водки да пакет апель-

синового сока, и, прихватив с собой сок, направился в ванную.

Горячая вода и холодный сок — самое оно после пробежки. Душем и соком Макс ежедневно вознаграждал себя за одну из своих немногочисленных здоровых привычек. Он слишком много работает, питается по-холостячки — когда и чем попало, недосыпает и конечно же пьет куда больше, чем те пять рюмок спиртного в неделю, которые не без ханжеского злорадства прописал ему оплачиваемый фирмой врач. Зато Макс бегают трусцой и пока молод. До сорока еще несколько лет; к этому критическому рубежу он непременно приведет в порядок и финансы, и весь жизненный уклад; а там, глядишь, можно будет и остепениться. Кто знает, может, он даже решится снова связать себя узами брака.

Макс присмотрелся к своему отражению в зеркале для бритья. Голубые, чуть покрасневшие глаза, темно-каштановые, коротко стриженные по нынешней моде волосы, высокие скулы, гладкая кожа. Пока ни мешков под глазами, ни морщин. Могло быть и хуже. Переступив через мокрое полотенце, он сбросил на пол одежду, в которой бегал по парку.

Пять минут спустя Макс уже был в положенной современному молодому чиновнику униформе: темный костюм, темно-синяя рубашка, темный галстук, модные массивные часы, предназначенные для аквалангистов, хорошо знающих цену секунды, в руке мобильный телефон и ключи от машины; теперь он готов покорять финансовый мир. Под морозящим дождем Макс нырнул в положенный ему по статусу черный «БМВ». Пора ехать в Сити. Уж сегодня-то долгожданная сделка наверняка состоится. А там и премия грядет. Он наконец полностью обставит квартиру, наймет уборщицу, чтобы жилище свер-

кало чистотой, возьмет на несколько дней отпуск и махнет в Сен-Тропе, пока еще не все хорошенькие девушки вернулись в Париж. Даже услышанный по радио прогноз погоды — местами ливни, переходящие в затяжные дожди, возможен град — его не обескуражил. День все равно будет удачный.

В такую рань ему с лихвой хватит и двадцати минут, чтобы домчаться до улицы Треднидл, на которой находится контора Лотонов, — «под самым боком у Английского банка», с гордостью сообщал предполагаемым клиентам старший из братьев. Компания возникла в конце восьмидесятых, в девяностые годы экономического бума она бурно росла, сливалась с другими, покупала третьи, изворачивалась как могла и в конце концов наловчилась без всякой пощады отбирать у зазевавшихся авуары, чем вызывала лютую зависть у своих более щепетильных и сердобольных соперников. А теперь финансовые газеты и журналы величают ее образцом жесткого эффективного менеджмента, который полностью соответствует нынешней суровой эпохе. Молодым клеркам, которые сумели несколько лет продержаться у Лотонов, теперь любое море по колено.

Почти в шесть тридцать, когда Макс уже ехал по Ладгейт-хилл, у него зазвонил мобильник.

— Сегодня с утра прохлаждаемся, а работа, выходит, по боку? — В гнусавом голосе Эймиса слышалась угроза. Не дожидаясь ответа, он объявил: — Есть разговор. Смотри не опоздай к обеду. Трейси скажет, в каком я ресторане.

Вот тебе и удачный денек, подумал Макс. Впрочем, если честно, то день, к которому так или иначе причастен Эймис, удачным быть вообще не может. Взаимная неприязнь возникла между ними с пер-

вой же минуты знакомства. Эймис тогда только-только вернулся из Америки. После трехлетнего пребывания в Нью-Йорке он готовился возглавить лондонский офис, и его прямо-таки распирало от сознания собственной важности. Как нередко случается в Англии, их отношения подпортила, казалось бы, сущая мелочь — разница в манере говорить.

Макс, отпрыск благополучной состоятельной семьи, жившей в живописном зеленом графстве Суррей, окончил небольшую частную школу. Эймис родился и вырос на мрачной южной окраине Лондона, отнюдь не зеленой и не благополучной. Вообще говоря, в детстве и юности их разделяли всего двадцать миль, а то и меньше, но эти двадцать стоили всех двадцати тысяч миль. Макс тешил себя мыслью, что в нем нет ни капли снобизма. Эймис тешил себя мыслью, что ни малейшей обиды на жизнь он не затаил. И оба ошибались. При этом каждый скрепя сердце отдавал должное способностям другого и, как это ни было трудно, терпел его общество.

Осторожно заезжая на отведенное для его «БМВ» место в подземном гараже, Макс пытался угадать, чем вызвана назначенная встреча. В конторе у Лотонов обедом считается сэндвич, который жуешь прямо за рабочим столом, не отрывая глаз от компьютера. По выражению Эймиса, его он вывез из Нью-Йорка, обед — это придурь слюнтяев. И вдруг сам завел речь о настоящем обеде, в ресторане, с ножами и вилками — как положено у слюнтяев. Чудно. Ломая голову над загадкой, Макс вышел из лифта и, лавируя между бесчисленными перегородками, направился в свой отсек.

Компания занимала целый этаж в большой коробке из стекла и бетона. За исключением роскош-

ных, отделанных красным деревом и кожей покоев, где располагались братья Лотоны, оформление офиса призвано было отражать дух предприятия: никаких финтифлюшек, никаких супермодных ухищрений. Это фабрика, на которой делают деньги, где царит режим жесткой экономии. Лотоны любили приводить клиентов в офис — они называли его «машинное отделение», — чтобы те полюбовались, как надрываются служащие компании: «Перед вами сорок лучших деловых умов во всем Сити. *И все они заняты исключительно вашими проблемами*».

Эймис не ограничился утренним звонком, он еще и по электронной почте прислал приказ не опаздывать к обеду. Оторвавшись от экрана, Макс поглядел в угол офиса: там, за стеклянными стенами своего кабинета, обыкновенно расхаживает Эймис, прижав к уху мобильник, но сейчас кабинет пуст. Небось завтракает где-то, гад, подумал Макс, или смылся на урок ораторского искусства.

Сняв пиджак, Макс принялся за работу. Он в последний раз проверил вычисления для «Транс-Акс» и «Ричардсон Белл»; расписывая их достоинства, он надеялся впарить эти две компании какому-нибудь богатенькому клиенту Лотонов. Если дело выгорит, Макс получит премию, которая, по его прикидкам, намного превысит годовое жалование премьер-министра. Он дважды перепроверил расчеты; цифры каждый раз сходились. Все, теперь можно подавать бумаги Лотонам; дальше пусть командуют сами, а Макс станет богаче на сумму, измеряемую шестизначным числом. Откинувшись на спинку стула, он потянулся и взглянул на часы. Шел первый час, а он еще не удосужился выяснить, куда именно ему идти на обед.

Он направился в угол, где возле кабинета начальства несла караульную службу Трейси, бойкая

пышнотелая деваха. Недавно она получила повышение — из секретарши превратилась в личного помощника Эймиса (по конторе ходил слухок, что на эту ступеньку служебной лестницы она поднялась благодаря веселенькой поездке с Эймисом на выходные в Париж). К сожалению, новая должность подпортила ей нрав, Трейси заважничала и даже начала дерзить.

Примостившись перед ней на краешке стола, Макс мотнул головой в сторону кабинета:

— Насчет обеда все в силе? Или босс уже сеет очередную панику на бирже?

— Мистер Эймис ждет вас в «Леденхолл селларс». Ровно в двенадцать тридцать. Не опаздывайте, — проговорила Трейси с таким видом, словно с удовольствием выдала бы Максусу штрафную квитанцию за парковку в неполюженном месте.

Макс удивленно поднял брови. Когда-то «Селларс» был складом при старинном рынке Леденхолл, а потом превратился во вполне пристойный винный бар, и теперь его завсегдатаями стали крутые дельцы из Сити; здесь они подкрепляются так, как подобает мужчинам в самом соку, — кусками жареной вырезки и сыром «стилтон», запивая их невероятно дорогим красным вином и готовясь к послеобеденным трудам с помощью крепкого портвейна. Несмотря на голые кирпичные стены и усыпанный опилками пол, это один из самых дорогих ресторанов в Сити.

— Неужто он транжирит свои накопления? — удивился Макс. — С какой стати, не подскажешь?

Опустив глаза, Трейси поправила лежавшие на столе бумаги.

— Понятия не имею, — бросила она наконец.

Ее нарочито небрежный тон не убедил Макса, скорее раздосадовал:

— Слушай, Трейси, давно хочу спросить тебя кое о чем.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Поездка в Париж удалась?

Ба, похоже, злые языки-то правы: вон как Трейси залилась краской. Макс вернулся к своему рабочему месту за пиджаком и зонтом: под проливным дождем предстояло мчаться на Леденхолл-стрит. У выхода он помешкал, не решаясь нырнуть в гущу огромных зонтов — этим летом самый модный аксессуар; словно разноцветные грибы, они разом раскрылись повсюду, загромождая тротуары и мешая проходу. Не миновать ему опоздания.

Когда Макс вошел в переполненный сводчатый зал, Эймис уже сидел за столиком, прижав к уху мобильник. Потершись среди воротил Уолл-стрит, Эймис перенял их манеру одеваться: рубашки в яркую полоску с белым воротничком, алые подтяжки, галстуки, разрисованные быками и медведями. До чего же эта пестрая, вызывающая экипировка не вяжется с его жесткой, тонкогубой физиономией и тюремной стрижкой. Впрочем, что бы он ни надел, все равно выглядит как бандит. Но деловая хватка у него потрясающая, за что его обожают остальные братья Лотоны.

Закончив разговор, Эймис многозначительно посмотрел на часы. Часы были золотые, еще массивней, чем у Макса, на циферблате россыпь мини-циферблатов: один показывает глубину погружения в метрах, другой — истекшее время, а третий, совсем редкостный, — индекс NASDAQ.

— А теперь что стряслось? Заблудился?

Макс налил себе красного вина из стоявшей на столе бутылки:

— Прошу прощения. Леденхолл-стрит запружено зонтами. Ни пройти ни проехать.

Эймис недовольно хмыкнул и жестом подозвал официантку.

— Слушай, киска, знаешь, что мне нужно для полного счастья? — неожиданно веселым тоном обратился он к ней и подмигнул. — Хорошо прожаренный кусок вырезки, сочный, но без кровищи. Этого мне на работе хватает.

Официантка старательно улыбнулась в ответ.

— С жареной картошкой. На десерт крем-брюле. Записала?

У него вновь застрекотал мобильник; Эймис негромко забурчал в трубку, а Макс тем временем заказал себе бараньи отбивные и салат.

Эймис убрал телефон и отхлебнул вина.

— Ну а теперь изложи вкратце, как дела с «Транс-Акс» и «Ричардсон Белл».

Битых полчаса Макс сыпал цифрами и прогнозами, анализировал стиль управления компаниями и способы раздеть их до нитки — не зря же он ими занимался с самого начала года. Эймис усердно жевал, записывая что-то в блокнот, лежащий возле тарелки, но ни вопросов, ни замечаний, ни встречных предложений не последовало.

Макс замолчал и отодвинул от себя тарелку с остывшими, недоеденными отбивными:

— Стало быть, ради этого мы сюда пришли?

— Не совсем. — Эймису явно нравилось держать Макса в напряженном неведении. Он сосредоточенно ковырял зубочисткой в зубах, не без интереса рассматривая результаты изысканий.

Подошла официантка и стала убирать тарелки. Казалось, Эймис только этого сигнала и ждал.

— Я тут переговорил с братьями, — сообщил он, — и они мою тревогу разделяют.

— О чем речь? Что-то не пойму.